

Чернов Антон Владимирович

ФРАНСИШКУ СА ДЕ МИРАНДА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

В статье исследуется история восприятия и интерпретации творчества португальского поэта Франсишку Са де Миранды в контексте традиции отечественного литературоведения. В хронологическом порядке рассматриваются динамика количественного увеличения текстов, посвященных Ф. Са де Миранде, и качественные перемены в интерпретации его творчества и значения для истории португальской литературы, которые свидетельствуют о росте внимания к фигуре португальского поэта со стороны российских литературоведов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 36-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

24. Толкачева С. В. Специфика функционирования чина дружки в свадебных обрядах русских жителей Удмуртии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (53). Ч. 2. С. 166-172.
25. Толкачева С. В. Терминология чинов партии жениха в свадебных обрядах русских жителей Удмуртии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3. Ч. 3. С. 162-167.
26. Толкачева С. В. Труды Г. Е. Верещагина как источник исследования русского свадебного фольклора Удмуртии // Г. Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья: сб. ст. / сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2014. С. 103-118.
27. Травина И. К. Русские народные песни родины П. И. Чайковского. М.: Всесоюзное изд-во «Советский композитор», 1978. 191 с.
28. Фертиков П. П. Починок Патраковский – деревня Патраки Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики. 1863-2008: страницы истории. Ижевск: Удмуртия, 2008. 168 с.
29. Шуклина Т. А. Свадьба: учебное издание / науч. ред. Т. А. Шуклина. Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2012. 96 с.

RUSSIAN TRADITIONAL WEDDING SONG AND LAMENTATIONS OF THE SOUTH REGIONS OF UDMURTIA

Tolkacheva Svetlana Viktorovna, Ph. D. in Philology

Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch of Russian Academy of Sciences

svetlana-tolk@mail.ru

The article is devoted to the specificity of verbal texts of lamentations and songs of Russian traditional wedding rituals of the south ethnocultural area of modern Udmurtia. The author identifies the areal peculiarities of the existence of lamentations and songs, considers the folk terminology, musical vocabulary and phraseology, and describes the genre definitions of wedding music folklore. The typologically similar processes in the genre design of musical folklore of traditional wedding among Udmurt and Russian ethnic groups are pointed out.

Key words and phrases: Russian wedding folklore of Udmurtia; ethnographic context; wedding lamentations; wedding songs; lamentation; howl; wailing; tears.

УДК 821.134.3

В статье исследуется история восприятия и интерпретации творчества португальского поэта Франсишку Са де Миранды в контексте традиции отечественного литературоведения. В хронологическом порядке рассматриваются динамика количественного увеличения текстов, посвященных Ф. Са де Миранде, и качественные перемены в интерпретации его творчества и значения для истории португальской литературы, которые свидетельствуют о росте внимания к фигуре португальского поэта со стороны российских литературоведов.

Ключевые слова и фразы: европейская литература эпохи Возрождения; португальская литература; творчество Франсишку Са де Миранды; советское литературоведение; российское литературоведение.

Чернов Антон Владимирович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

antoniocernini@yandex.ru

ФРАНСИШКУ СА ДЕ МИРАНДА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Восприятие португальской литературы и ее изучение в России имеют ряд особенностей, которые неизбежно сообщают определенный характер любому русскоязычному исследованию этого предмета и существенно влияют на его структуру и методичку. Характер восприятия творчества и биографии Франсишку Са де Миранды (1481-1558) естественным образом, будучи частью этого явления, принимает его отличительные черты. Поэтому в данной статье мы постараемся не только проследить характер осмысления отечественным литературоведением творчества одного из наиболее замечательных поэтов португальского Возрождения, но также попытаемся определить типологические черты этого частного явления в контексте восприятия отечественной литературоведческой традицией португальской литературы Возрождения в целом.

Франсишку Са де Миранда часто упоминается во многих работах общего характера как родоначальник литературного Возрождения в Португалии, основоположник «итальянской» традиции на западе Пиренейского полуострова, автор первого португальского сонета. Все это верно и в значительной степени позволяет краткой фразой отразить характер литературного значения автора. Но в то же время за такого рода более или менее емкими и точными определениями нередко теряется многое, без чего портрет автора становится скорее «фантазией на тему», чем отражением реального облика. Основная задача этой статьи – проследить характер восприятия Ф. Са де Миранды отечественной литературоведческой традицией и понять, какие акценты являлись вплоть до настоящего времени наиболее существенными в этом восприятии.

Рассматривая русскоязычные тексты, в которых упоминается Франсишку Са де Миранда, наиболее логичным было бы следовать в направлении от общего к частному, т.е. от работ, имеющих широкий тематический спектр, к работам, предмет которых ограничен творчеством нашего автора. Но это, к сожалению,

не представляется возможным, поскольку на русском языке до сих пор не было написано ни одной монографии или хотя бы статьи, посвященной Са де Миранде. Поэтому мы будем следовать не от общего к частному, но по направлению в сторону большей доли научного содержания текстов.

Отношения России и Португалии нельзя назвать случайными и не имеющими истории. Уже в XVIII в. русско-португальские связи были весьма интенсивными и разносторонними. Связи, прежде всего, торговые, но и не только. Португальские офицеры участвовали на русской стороне в ряде войн, выходцы из Португалии служили при Российском императорском дворе, сотрудничали с Российской академией наук. Область деятельности португальцев в России, как правило, была далека от литературы. Но взаимное узнавание стран и культур происходило интенсивно, утверждалось в законодательных актах о торговле и мореплавании, расширялось и укреплялось. Таким направлением двусторонних отношений закладывался фундамент для дальнейшего знакомства двух стран, двух культур и, как следствие, для пересечения литературных традиций. Так было вплоть до первой трети XX в. включительно. Затем пути России и Португалии, в которых сменилось политическое устройство, разошлись, и установилась прочная, если можно так сказать, взаимная изоляция, которая продлилась приблизительно полвека. С точки зрения исторической – это период недолгий, но его оказалось достаточно, чтобы забыть почти все, что было узнано странами друг о друге за предшествующие века. Новый виток развития отношений начался после Революции гвоздик (1974 г.). Социалистическая Португалия своим появлением на свет потребовала определенной просветительской активности от Советского Союза, и вскоре после этого в течение нескольких лет выходит в свет ряд изданий, целью которых было познакомить советского читателя с португальской литературой (см.: [4; 9]). Эти издания были весьма широки в выборе литературной области, которую стремились открыть читателю, и, как правило, весьма скромны в своем объеме. Сопроводительные статьи к этим изданиям были написаны профессионально, но в силу самого своего жанра не могли представить достаточно подробно биографию или исследование творчества даже самых значительных писателей и поэтов Португалии. Однако определенную задачу, кроме ознакомительной, эти книги выполнили, а именно – они создали определенный информационный контекст, в рамках которого возникали имена писателей, прежде совершенно неизвестные в России. Имя нашего автора также упоминалось во вступительных статьях этих изданий. И таким образом предисловия и вступительные статьи стали первыми или одними из первых «жанров», в рамках которых он «появился» в отечественном литературоведении.

Если говорить о первом из источников этого типа, следует упомянуть, что сам этот источник отвечает не всем характеристикам, которые мы выбрали для обобщения в данном случае. Речь идет о предисловии к сборнику сонетов Камозенса (см.: [3]). Автор предисловия – известный переводчик В. В. Левик, – говоря о раннем творчестве Камозенса, замечает, что «писал он вначале под влиянием Са де Миранды, переводчика Петрарки, поэта сладостного и крайне условного» [Цит. по: Там же, с. 9]. На основании чего автор дал такое определение творчеству Са де Миранды, сказать почти невозможно. Афористическая лаконичность этого определения, напоминающая краткость энциклопедических формулировок, а также тот факт, что в СССР в то время португальский язык практически не был известен, португальских книг почти не было и португальская литература была почти никому не ведома, побуждает думать, что в данном случае В. В. Левик руководствовался не собственным впечатлением, а краткой справочной информацией о португальском авторе, произведений которого переводчик в оригинале не читал. Сколь бы незначительным ни был этот «эпизод», определенную роль, думается, он все же сыграл. И хотя в предисловии к следующему русскоязычному изданию Камозенса Са де Миранда и вовсе не был упомянут (см.: [1]), одна из первых его характеристик не могла не оказать влияния на формирование представлений об авторе.

В следующем, наиболее представительном русскоязычном издании Камозенса (см.: [2]) произошло, можно сказать, качественное изменение в отношении к Са де Миранде. Если в предисловии В. В. Левика поэту дается обобщенное афористическое определение, и довольно, надо сказать, пренебрежительное, то во вступительной статье О. А. Овчаренко имя Са де Миранды уже включено в определенный историко-литературный контекст [Там же, с. 12]. И в данном случае, что особенно важно, Са де Миранда уже предстает не эпигоном-петраркистом, каким его, видимо, считал В. В. Левик, не вторичным носителем неродной для португальской литературы традиции, но одним из тех, кто был в числе основателей традиции новой литературной эпохи. Прямо это в тексте О. А. Овчаренко не сказано, однако тот факт, что Са де Миранда назван в числе «выдающихся» писателей и поставлен рядом с Жилом Висенте и Камозенсом, уже свидетельствует об определенном признании его значения для литературы Португалии, что вдвойне важно, поскольку речь идет о периоде ее расцвета.

Говоря о предисловии к изданию Камозенса 1988 г. (см.: [2]), стоит также отметить, что оно отличается от предисловия 1964 г. большим объемом и характер имеет не эссеистический, но скорее научный. И поэтому неоднократное появление на его страницах имени Са де Миранды, кроме прочего, открыло, скажем так, проблему существования этого автора именно как проблему научного свойства. И хотя проблема эта сформулирована не была (что вполне закономерно, поскольку предисловие посвящено другому автору), она со всей очевидностью следовала из тех контекстов, в которых было упомянуто имя Са де Миранды. Во-первых, в контексте проблемы двуязычия португальской ренессансной литературы, проблемы чрезвычайно существенной и не разрешенной вплоть до настоящего времени. Во-вторых, в контексте проблемы восприятия португальской литературой итальянских поэтических жанров и форм, которые вскоре после смерти Петрарки стараниями его итальянских, французских и испанских последователей стали общеевропейскими.

Обе названные проблемы относятся к числу наиболее значительных для португальской литературы эпохи Возрождения, и в связи с обеими в статье О. А. Овчаренко имя Са де Миранды упомянуто.

Все это, разумеется, нельзя назвать существенным движением вперед в области изучения творчества Са де Миранды в России. Но, несмотря на это, упоминание его имени в связи с важными историко-литературными явлениями, несомненно, было определенным прогрессом по сравнению с одной краткой фразой, которая к тому же носила уничижительный характер. Поэтому приведенные выше упоминания «первооткрывателя сонета» в Португалии представляются существенными.

Перед рассмотрением следующего текста из числа предисловий и вступительных статей, в которых упоминалось имя Франшишку Са де Миранды, следует отметить существенную закономерность. Камознс не был единственным современником Са де Миранды, произведения которого выходили в свет отдельными изданиями на русском языке (см.: [5; 10]), но упоминался последний именно и только в предисловиях к изданиям Камознса. И это свидетельствует о том, что, несмотря на недостаток внимания к фигуре Са де Миранды со стороны отечественного литературоведения, таким положением вещей был задан определенный вектор, достаточно адекватно и объективно отражающий картину исторического развития португальской литературы и того места, которое занимает в этом развитии творчество Са де Миранды: место непосредственного предшественника Камознса на пути приобщения португальской литературы к общеевропейскому литературному процессу на новом его этапе.

Продолжая краткий обзор русскоязычных предисловий и вступительных статей, в которых упоминается Франшишку Са де Миранда, следует остановиться на двух текстах с особым вниманием. Первый из этих текстов – статья С. И. Пискуновой «Малая копия вселенной», которая является предисловием к антологии португальской поэзии, изданной в 1986 г. (см.: [7]). И хотя внимания в названной статье Са де Миранде уделено немного, показательно, что он упоминается неоднократно, и, кроме того, важно в данном случае, что он становится, скажем так, героем повествования, пусть и совсем незначительного – по протяженности всего на полстраницы [Там же, с. 15]. Скудость всей предшествующей информации о Са де Миранде в русскоязычных текстах побуждает считать этот фрагмент статьи С. И. Пискуновой значительным шагом вперед на пути к изучению творчества португальского автора и позволяет процитировать данный фрагмент с максимальной возможной полнотой. «...Рибейро (речь идет о писателе и поэте Бернардине Рибейро (ум. до 1545 г.) – А. Ч.) не выступает и как прямая продолжатель поэзии Петрарки, Саннадзаро, Ариосто, других итальянских поэтов Возрождения. Поэтому первым подлинно ренессансным поэтом Португалии считают не его, а Франсиско Са де Миранду (1481-1558), который вполне узаконил существование в португальской поэзии сонета, ренессансной эклоги (рибейровские эклоги были еще тесно связаны со средневековыми “кантигами” – песнями). Он ввел в португальское стихосложение также заимствованные у итальянских поэтов двенадцатисложную строку, рифмованную октаву и терцет, первый в Португалии начал писать канцоны, элегии, послания. Впрочем, послания Са писал “старым” размером – редондильями, причем в них наиболее полно и легко высказывал свое отношение к окружающему миру: в отличие от Рибейро, из своего сельского “далека” (а Миранда с 1530 г. и до конца дней живет в своем поместье в Верхнем Миньо) автор “Послания к сеньору Басто” внимательно наблюдает за происходящими в стране переменами и весьма скептически оценивает их ход» [Там же, с. 15-16]. Приведенный фрагмент стал своего рода подведением итогов в сложении представлений о Са де Миранде, которое длилось около четверти века, – от первого предельно краткого упоминания, сделанного с несколько пренебрежительной интонацией, до небольшого очерка о поэте, который отмечал утвержденные традицией взгляды на то, чем именно этот автор изменил русло развития своей национальной литературы (введение новых поэтических форм, «ренессансное» мироощущение). Важно также заметить, что именно в статье С. И. Пискуновой (если не принимать во внимание тексты энциклопедического свойства) Са де Миранда предстает перед читателями не только как автор, у которого есть свое место в истории португальской литературы, поскольку он ввел в нее общеевропейские поэтические формы, но и как человек, у которого есть своя биография, о чем прежде в русскоязычных текстах не было сказано ни слова (за одним исключением, о котором будет сказано ниже). И, наконец, не менее важно отметить, что в статье С. И. Пискуновой впервые цитируется несколько строк из стихотворения Са де Миранды, и этим представления о нем, формируемые рассматриваемой статьей, достигают, можно сказать, определенной полноты [Там же, с. 16]. Теперь Са де Миранда стал не только именем в кратком списке «представителей португальской литературы эпохи Возрождения», которое появилось в этом списке по определенной причине, сформулированной краткой фразой (например, «ввел в португальскую поэзию сонет» или «первый начал писать канцоны на португальском языке» и т. д.), но оказался автором, представленным в некоем развитии и в рамках взаимоотношений: с предшествующей традицией, с писателями-современниками, с португальскими авторами позднейших эпох [Там же, с. 30].

Теперь в рамках рассмотрения текстов данного жанра (предисловий и вступительных статей) следует остановиться на статье А. М. Косс «Четыре драматурга португальского Возрождения» [4]. С точки зрения хронологической данный текст следовало бы рассмотреть выше – перед статьей С. И. Пискуновой, однако жанровая принадлежность издания, предисловием к которому он является, побуждает рассмотреть этот текст именно в заключительной части обзора предисловий и вступительных статей, которые в той или иной степени обращаются к творчеству Франшишку Са де Миранды. Все тексты, рассмотренные выше, являются предисловиями к изданиям поэтических произведений, текст А. М. Косс – к изданию драматургии. Это существенное формальное отличие представляется достаточным для того, чтобы подчеркнуто обособить статью А. М. Косс в перечне других рассматриваемых текстов, и, если смотреть на предмет с точки зрения литературного жанра, можно сказать, что статья А. М. Косс замыкает сложившийся на данный момент информационный круг, центром которого является Франшишку Са де Миранда, а материалом – русский язык.

Уже первый абзац статьи «Четыре драматурга португальского Возрождения» открывает Са де Миранду в новом аспекте, утверждает в новом статусе, о котором прежде в русскоязычных текстах речь еще ни разу не заходила [Там же, с. 305]. Са де Миранда, наряду с Жилом Висенте, определяется как основатель португальского театра и помещается в ряд авторов, которых можно назвать столпами Возрождения в Португалии. Таким образом, определение Са де Миранды как автора, стоящего у истоков новой литературной эпохи, утверждается уже не только с точки зрения привнесения в португальскую поэзию новых стихотворных форм, новых формальных приемов, заимствованных в Италии, но посредством определения степени его участия в современном литературном процессе. Данное участие при этом не ограничивалось одним литературным видом или даже одной частью того или иного вида литературы, но направляло общий ход развития литературного процесса. И в этом отношении тот факт, что Са де Миранда стоял у истоков португальского театра, особенно важно отметить, поскольку он позволяет понять меру причастности автора к возникновению Ренессанса в Португалии. Ренессанса как такового, а не только новых стихотворных форм. И, если принять во внимание именно такое понимание предмета, следует признать, что аспект, в котором А. М. Косс рассматривает жизнь и творчество Са де Миранды, существенно расширяет существовавшие на момент появления статьи «Четыре драматурга португальского Возрождения» представления о Са де Миранде, выводя его из сферы версификационного новаторства в широкое русло общеренессансного движения. Другой аспект, в котором статья А. М. Косс углубляет взгляд и понимание характера творчества Са де Миранды, – его включенность в актуальную рефлексию над окружающей автора действительностью в ее национальном аспекте. Определение, данное португальскому поэту в статье В. В. Левики, кроме литературной ограниченности первого, подчеркивало также и отвлеченность Са де Миранды, его отрешенность от внелитературной действительности. А. М. Косс, напротив, подчеркивает, что для Са де Миранды настоящее и будущее Португалии также было предметом размышлений, отраженных в творчестве. И в этих размышлениях Са де Миранда показал себя человеком, хорошо понимающим крайне далекие от каких-либо поэтических форм процессы, – социальные и даже экономические [Там же, с. 307-308]. Другой аспект актуальности и вовлеченности Са де Миранды через его творчество в глобальные общекультурные процессы Португалии открывается через присутствие его произведений в списке запрещенных книг, на что также впервые указывает А. М. Косс [Там же, с. 309, 318].

Статья А. М. Косс в отношении Са де Миранды замечательна также тем, что, кроме расширения представлений о португальском поэте и драматурге, в ней есть также и более конкретное, детальное и глубокое рассмотрение собственно литературных особенностей творчества Са де Миранды и того значения, которое было ему отведено историей в силу этих особенностей. Прежде всего, говоря о названном значении, следует отметить, что Са де Миранда стал не только одним из «зачинателей» португальской театральной традиции, но определил собственным литературным вкусом разнообразие последней, составив своего рода жанровую оппозицию Жилу Висенте своей приверженностью к «*commedia erudita*», первые португальские образцы которой принадлежат перу Са де Миранды [Там же, с. 317-318]. И, кроме того, что по меньшей мере столь же важно, как и сам факт обращения в собственном творчестве к тому или иному литературному жанру, Са де Миранда неразрывным единством творческой манеры, жизненной позиции и самой своей биографии повлиял, по крайней мере, на значительную часть ближайшего к нему поколения португальских писателей [Там же, с. 318]. И влияние это было тем сильнее, чем более разносторонним было творческое видение мира Са де Миранды, чем более нового он привнес в португальскую литературу, укрепляя это новое своим высоким литературным и нравственным авторитетом. Многие черты новаторства Са де Миранды впервые в русском литературоведении отмечены именно А. М. Косс. Среди таких черт, несомненно, следует отметить «литературную авторефлексию» нового жанра, вводимого автором: в прологе пьесы «Чужеземцы» Са де Миранда экспликативно декларировал главные отличительные черты нового жанра: диалог в прозе и наличие понятного сюжета.

Выгодно отличает статью А. М. Косс от многих других кратких и вводных текстов то, что автор не только указывает на определенные явления и факты, но помещает их в контекст, другие составляющие которого подтверждают приведенные факты. В частности, указание на то, что Са де Миранда положил начало новой ветви португальской драматургии, подтверждается кратким, но емким рассмотрением ее истории в творчестве младших современников и ближайших последователей Са де Миранды [Там же, с. 320].

Кроме того, при рассмотрении статьи А. М. Косс хотелось бы отметить еще два положения. Первое из них состоит в том, что, несмотря на краткость и обобщенный характер статьи, несмотря на то, что в задачи, которые ставил перед собой ее автор, видимо, не входило детальное исследование характера творчества Са де Миранды и особенностей его влияния на других писателей, А. М. Косс очень органично насыщает текст упоминанием различных деталей и фактов (в качестве примера здесь можно привести упоминание несохранившейся трагедии Са де Миранды «Клеопатра») [Там же, с. 331], которые не имеют на первый взгляд очевидной важности, но, несомненно, существенны при более детальном рассмотрении предмета. Вторая замечательная особенность статьи А. М. Косс – умение автора в кратких и емких формулировках выражать сущность обширных литературных процессов, важным действующим лицом которых был, среди прочих, и Франшишку Са де Миранда: «Комедии Са де Миранды перевели стрелки часов португальского театра на общеевропейское время, а драматургия второго поколения время это в какой-то мере опередила: Камознс оставил европейскому театру одну из самых ранних его лирических комедий, а Феррейра – первую классицистическую трагедию на национальный сюжет» [Там же, с. 335].

Завершая обзор текстов вступительного характера, в которых упоминается Франшишку Са де Миранда, стоит сказать также несколько слов о статье З. И. Плавскина «Четырнадцать магических строк» [8]. Названная работа является вступительной статьей сборника «Западноевропейский сонет», в котором собраны

произведения поэтов XIII-XVII вв. С точки зрения фактических сведений, а также интерпретации творчества Са де Миранды эта статья не открывает ничего особенно нового, но, несомненно, важным здесь является сам факт упоминания португальского автора и само его присутствие в названном сборнике (что также является заслугой З. И. Плавскина, бывшего составителем португальского раздела «Западноевропейского сонета»). Таким образом, отечественная литературоведческая традиция признала Са де Миранду важной частью общеевропейской литературной истории [Там же, с. 17].

В заключение рассмотрения предисловий и вступительных статей как текстов, в которых отразилось отечественное восприятие португальского поэта и драматурга Франсишку Са де Миранды, заметим, что в первую очередь мы рассмотрели именно эти тексты по двум причинам. Первая из названных причин – хронологическая. Если оставить в стороне немногочисленные энциклопедии и энциклопедические словари, в которых Са де Миранда упоминается или в которых ему посвящена отдельная статья (например, «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона»), «открытие» Са де Миранды началось именно в предисловиях. Оставить же в стороне названные энциклопедии мы вполне имеем право, поскольку к моменту появления в печати первого предисловия (1964 г.), в котором упоминается Са де Миранда, как актуальный инструментарий они уже если и использовались, то с необходимыми поправками на протекшее с момента их появления время. И т.к. время здесь исчислялось десятилетиями, энциклопедические тексты в данном случае уже не могли быть носителями информации, на которую можно было бы опереться без поиска дополнительных, более близких хронологически текстов. Иначе говоря, к моменту, когда португальская литература хотя бы в минимальном объеме стала открываться отечественному читателю, энциклопедии, в которых он мог бы почерпнуть информацию о Са де Миранде, существенно устарели. Вторую причину, по которой мы, прежде всего, говорим о текстах этого жанра в отношении «Са де Миранды в России», можно назвать количественной. Если рассмотреть всю совокупность русскоязычных текстов, в которых рассматривается или хотя бы упоминается творчество Са де Миранды, и разделить их по жанрам или, скажем, видам, то со всей очевидностью определится существенное преобладание текстов одного вида – именно предисловий и вступительных статей. Нельзя не согласиться с тем, что одного количественного признака недостаточно для того, чтобы на его основании определять существенные признаки явления в области, которая не исчерпывается чистой арифметикой, но в качестве признака дополнительного при наличии других он вполне может и даже должен быть учтен. Итак, мы останавливаемся, прежде всего, на предисловиях и вступительных статьях, среди прочего, еще и потому, что именно в этих текстах Са де Миранда упоминается чаще всего.

Среди текстов, научная составляющая которых представляется большей в сравнении с текстами, уже рассмотренными нами, прежде всего, следует остановиться на очерке португальской литературы в третьем томе «Истории всемирной литературы». И хотя автор данного очерка И. А. Тертерян, естественно, в силу задачи, которая стояла перед ней при написании данного очерка, не могла подробно рассмотреть творчество Са де Миранды, этому автору было уделено должное внимание, и значение его было выявлено достаточно отчетливо [11, с. 394-405].

Сходную картину мы можем наблюдать и в заключительной статье, которую мы рассматриваем в данной работе. Речь идет о статье О. А. Овчаренко «Португальская литература эпохи Возрождения и ее значение для творчества Камознса» [6, с. 22-86]. Автор в данном случае, так же, как и во всех прочих, рассмотренных нами выше, не анализирует творчество Са де Миранды как центральный предмет исследования и только упоминает его. Однако, поскольку статья О. А. Овчаренко носит более специальный характер и не предполагает в качестве основной своей цели предоставление читателю обобщенно-ознакомительных сведений, кроме «общих мест», в ней есть также интересные замечания, пусть и краткие, которые открывают новые аспекты творчества и мировоззрения Са де Миранды. В частности – его «взаимоотношения» с неоплатонизмом [Там же, с. 62].

В заключение хотелось бы отметить основную тенденцию, которая прослеживается с момента первого «появления» Франсишку Са де Миранды в отечественных литературоведческих текстах до настоящего времени. Здесь следует указать на очевидную положительную тенденцию: после первого краткого упоминания Миранды в связи с ранним периодом творчества Камознса (см.: [3]), упоминания незначительного и пренебрежительного, постепенно и последовательно в текстах целого ряда исследователей (О. А. Овчаренко, А. М. Косс, С. И. Пискунова) отечественная литературоведческая традиция пришла к признанию и констатации исключительного значения творчества и самой фигуры Франсишку Са де Миранды в португальской литературе эпохи Возрождения. Данная статья, как можно предположить, проследив развитие и изменение восприятия и оценки значения португальского поэта, может стать одним из элементов фундамента для будущих исследований творчества Франсишку Са де Миранды.

Список литературы

1. Камознс Л. де. Лирика. М.: Художественная литература, 1980. 303 с.
2. Камознс Л. де. Лузиады. Сонеты. М.: Художественная литература, 1988. 502 с.
3. Камознс Л. де. Сонеты. М.: Художественная литература, 1964. 95 с.
4. Косс А. М. Четыре драматурга португальского Возрождения // Португальская драма. М.: Искусство, 1984. С. 305-335.
5. Мендес Пинто Ф. Странствия. М.: Художественная литература, 1972. 607 с.
6. Овчаренко О. А. Португальская литература. Историко-теоретические очерки. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 365 с.
7. Пискунова С. И. Малая копия вселенной // Лузитанская лира. М.: Художественная литература, 1986. С. 5-34.

8. Плавский З. И. Четырнадцать магических строк // Западноевропейский сонет XIII-XVII веков. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. С. 3-28.
9. Португальская поэзия XX века. М.: Художественная литература, 1974. 254 с.
10. Рибейру Б. История молодой девушки. М.: Голос, 2000. 236 с.
11. Тертерян И. А. Португальская литература // История всемирной литературы: в 9-ти т. М.: Наука, 1985. Т. 3. С. 394-405.

FRANCISCO DE SÁ DE MIRANDA IN THE DOMESTIC LITERARY CRITICISM

Chernov Anton Vladimirovich
Lomonosov Moscow State University
antoniocernini@yandex.ru

The article analyzes the history of perceiving and interpreting the creative work of the Portuguese poet Francisco de Sá de Miranda in the context of the domestic literary criticism tradition. In chronological order the author examines the growth dynamics of the studies devoted to Francisco de Sá de Miranda and the qualitative changes in the interpretation of his creative work and importance for the history of Portuguese literature which indicate the growing interest for the Portuguese poet among the Russian literary critics.

Key words and phrases: European Renaissance literature; Portuguese literature; Francisco de Sá de Miranda's creative work; Soviet literary criticism; Russian literary criticism.

УДК 316.774

В статье рассматривается влияние новых технологий на процессы создания журналистских текстов в корпоративных СМИ Латвии. Автор отображает текущую картину современных конвергентных СМИ в Латвии, показывает, что заказчики используют медиаканалы для продвижения своих идей. Фиксирует трансформацию, направленную на переход традиционной журналистики в сторону маркетинга за счет публикаций пресс-релизов, представляющих, по сути, рекламные тексты заказчиков.

Ключевые слова и фразы: социальные медиа; корпоративная журналистика; конвергентная журналистика; редакция; новые медиа; пресс-релиз.

Шнайдер Анна Александровна
Российский университет дружбы народов
anshneider@gmail.com

ТРЕНДЫ МАССМЕДИА: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОРПОРАТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ЛАТВИИ

Корпоративная журналистика, или «бренд»-журналистика, как еще ее называют, – это коммуникационный инструмент, создаваемый на средства и по заданию заказчика, который может быть организацией, корпорацией, общественным объединением с целью произвести положительные изменения в основном бизнесе корпорации [6, с. 11]. Ключевая характеристика корпоративного СМИ, объединяющая разные его типы, заключается в том, что такое СМИ не является самостоятельным бизнесом. При сравнении традиционной журналистики с корпоративной мы увидим главные отличия в функционировании издания: корпоративные издания – это лишь часть корпоративных коммуникаций, они издаются для целей организации, а не редакции. Редакция в данном случае исполняет скорее техническую роль – создает такой контент, который положительно отразится на делах и имидже организации.

В традиционной корпоративной журналистике существует определенная классификация изданий: для персонала компании (b2p), для клиентов компании (b2c), для партнеров компании (b2b) [Там же, с. 18]. Однако, учитывая современное медиaprостранство, необходимо принимать и новые веяния с появлением нового канала распространения информации – Интернета. Более того, важно понимать, что профессия журналиста также несколько изменилась. Так называемый современный «журналист-универсал» должен одинаково хорошо уметь готовить контент для разных СМИ, понимать, какая медиaplatforma наиболее предпочтительна для распространения того или иного материала [1, с. 42-44]. В зарубежной прессе все чаще стало встречаться понятие «cross-media trained journalist», «multi-skilling journalist» («кроссмедийный журналист», «многозадачный журналист») и другие названия. Например, в 2005 году компания «Ganne» изобрела новый термин – мобильный журналист (a mobile journalist, mojo). Первое и самое важное требование к такому журналисту – это умение применять на практике технику использования своего мобильного устройства в профессиональном аспекте. Этот термин очень близко пересекается с понятием «рюкзачного журналиста» (back-pack journalist) – специально подготовленного человека из среды профессиональных журналистов, которые выполняют большее количество функций, нежели традиционные: снимают видео, пишут тексты для разных каналов распространения информации, готовят фотоматериалы и др.